

Неделя. - 1992. - Октябрь (№ 43). - С. 13

13

ВНЕШНИЙ КОЛОСОТРАПЕДНИК СКАЗЫВАНИИ

Неделя

К своему столетию Цветаева приходит задрапированной в тогу классика. С ее плеч будто стекает Мандельштамова «ложноклассическая шаль».

Не значит ли это, что меркнет и вянет в хрестоматийности и комментариях живой огонь ее поэзии, опаливший нашу молодость? Все чаще ее почтительно называют Марина Ивановна, что идет ей куда менее, чем ее величавой подруге по веку и по поэзии — Анне Андреевне. Марина Цветаева, как Сергей Есенин, странно выглядит с аккомпанементом отчества: просто Марина, вечно молодой огонь, юная энергия слова. Цифра 100 не дружна с Цветаевой.

В 1956-м Илья Эренбург, первым напомнивший о Цветаевой-поэте, констатировал: «Она умерла в 1941 году, будучи известной только немногим ревнителям поэзии». Может быть, это и не совсем так, если иметь в виду литературное Зарубежье, но ее подлинной славе на Родине и в самом деле чуть больше четверти века.

Сейчас трудно даже заставить себя вспомнить всю меру изумления, восхищения, увлеченности явлением Марины в 60-е годы — тоненьким «Избранным», публикациями в «Литературной Москве» и «Новом мире». Для нас, не слышавших прежде ее имени, не знавших ее стихов, это было, как электрический разряд.

...Что другим не нужно — несите мне! Все должно сгореть на моем огне!

Или:

Ты, меня любивший фальшью
Истины — и правдой лжи,
Ты, меня любивший — дальше
Некуда! — За рубежи!..

И еще:

Отказываюсь — быть,
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь — жить.
С волками площадей
Отказываюсь — быть.

Сколько воды утекло с тех пор! Сколько вспыхнуло и погасло поэтических репутаций. А магнетизм Марины, потеряв яркую интенсивность первого впечатления, пошел вглубь и вибрирует.

Наше сознание благодарно. Многие из ошеломляющих открытий поэтики и образа чувств Цветаевой отвердело в формулы, вошло в большой круг кровообращения культуры. Нас уже не обжигают, как в первый раз, знакомые слова. Рожденные восторгом вдохновения образы становятся привычной цитатой, они освоены и присвоены нами.

Я перечитываю сегодня Цветаеву — и дивлюсь тому, сколько литых строк, чудом уловленных оттенков чувства и оп-

«ВСЕ ДОЛЖНО СГОРЕТЬ НА МОЕМ ОГНЕ»

Владимир ЛАКШИН

ределений поэзии, слетевших с ее пера и уже как бы безымянных, влилось в наш культурный опыт. «Безмерность в мире мер», «невнятица дивная», «мнящейся описки смысл — короче, все»...

Будем, однако, справедливы. Мало кто в наш век, как Цветаева, обновил ощущение поэзии как высоковольтной энергии чувства.

Гудят моей высокой тяги
Лирические провода.

Цветаева знает своего врага — равнодушие, теплохладное участие или даже отстраненность суетной политики и мелочного быта. Укором с привкусом желчи звучат обращенные ею и к нам, нынешним, слова:

Что для таких господ —
Закат или рассвет?
Глотатели пустот,
Читатели газет!
Газет — читай: клевет,
Газет — читай: растрат,
Что ни столбец — навет,
Что ни абзац — отврат...
О, с чем на Страшный суд
Предстанете: на свет!
Хвататели минут,
Читатели газет!

Да не лучше ли, если не найдем в себе религиозного смирения, пойти на Страшный суд с русской поэзией — с Пушкиным, Блоком, Цветаевой?

В дни душевной потерянности и усталого созерцания, недобра или безразличия людей друг к другу жар чувства, расточаемого Цветаевой в мир, предстает, как некое чудо. Он ставит на место и вся-

М. ВРУБЕЛЬ.
«Философия». 1899 г.

кую сухую, расчетливую изобретательность в искусстве, холодное, самолюбивое утверждение себя с бумажным венчиком «постмодернизма» на челе.

Великое дарение богов — энергию души — Цветаева тратит безрасчетно, мучась лишь пыткой извечной невыразимости слова. На тютчевский «Silentium» она откликается своим:

...Да разве я то говорю,
Что знала, — пока не раскрыла
Рта, знала еще на черте
Губ, той — за которой осколки...
И снова, во всей полноте,
Знать буду — как только умолкну.

Но немота — не для Цветаевой. Она хочет говорить — захлебываясь, трепеща,

ярко радуясь, обольщаясь, разочаровываясь, отдаваясь отчаянию и вскрикивая от душевной боли. Она делает открытие — как преодолеть принципиальную невыразимость чувства в слове. Только при калении докрасна из слова исходит волшебная поэтическая сила, небесный смысл. И жар для этого каления Цветаева находит в своей душе, а уголья ей подбрасывает в достатке ее трагическая жизнь.

Стихия Цветаевой — стихия огня. Звук, как пламени, пожирающего своими тире — глаголы, перекидывающегося жадными языками на соседние строчки.

Высоко горю — и горю дотла!
И да будет вам ночь — светла!

Казалось бы, в русском искусстве, в русской поэзии все вещи обозначены, чувства названы, веки найдены — и ничто не сулит нового в хорошо освоенном мире. Как соперничать с тем, что сказали не одним смыслом, но звуком своих стихов — Пушкин, Баратынский, Фет или младший ее современник Блок? Она нашла себя в испепеляющей теме любви, она расплавила себя в ней. Энергия ее слова вулканична, поток речи — как лава, текущая по склону, незастывшая и светящаяся.

Трудно стоять рядом с таким жаром. Люди инстинктивно оберегают себя от подобного накала чувства и слова. Даже Блок для Цветаевой — это «льдинки в глазах» и «поцелуй в снег». Но это еще живой, бодрящий холод. Умеренного теплохладного Цветаева не приемлет. «Каждый раз, — говорит она, — когда узнаю, что человек меня любит, — удивляюсь, не любит — удивляюсь, но больше всего удивляюсь, когда человек ко мне равнодушен».

Ее пылкие поэтические объяснения в любви, стоны страсти, ревности, мольбы и укоры — обращены к разным ее избранникам, а кажется, что к одному. Ему исповедуется, его закликает верностью, с ним тяжело прощается Марина. Ее любовь, как полуденное солнце, обращена на всех («пол и возраст ни при чем», уточняет она), а кто именно попадет под этот луч — тайна судьбы и случая.

Захлебываясь не стихами, не рифмами, а безмерностью чувства, она любит до содрогания, до отчаяния, до спазм — героя «Лебединого стана», и «Поэмы горы», и «Попытки ревности», и «Поэмы конца» — но так же жаростно и ревниво любит и Пушкина, и Рильке, и Россию, и Чехию, и сына Мура, и дочь Алю, и кисть жаркой рябины, и куст под окнами парижского дома, и колокола в Москве...

Такой навсегда остается для нас и такой переходит во второе свое столетие Марина Цветаева.

СВЕТ ДАЛЕКОЙ ЗВЕЗДЫ